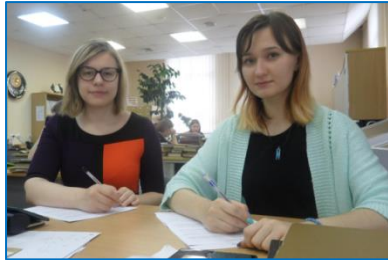

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЯПОНИИ ОТ РЕСТАВРАЦИИ МЭЙДЗИ ДО СЕРЕДИНЫ XX в.: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ИЗ ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ КНИЖНОЙ КОЛЕКЦИИ К. М. ПОПОВА

**Игнатенко Анна Сергеевна,
Мирошина Александра Петровна,**
*студентки первого курса,
направление подготовки
«Востоковедение и африканистика»
ВИ–ШРМИ ДВФУ*

Большое внимание в середине XX века литературоведы, востоковеды в СССР и Японии уделяли истории развития японской литературы периода «нового» времени, также известной как «Киндай бунгаку» и зародившейся на грани XIX–XX веков. Если официальным годом рождения новой Японии считается первый год Мейдзи – 1868, то годом рождения новой литературы – только 1885 год [3, с. 306]. Именно в это время меняются ценности общества, а вслед за ними и принципы художественно-литературного творчества, происходит разрыв с традициями прежней, феодальной культуры, общественные взгляды откликаются на призыв к новой, буржуазной жизни. От революции и вплоть до окончания второй мировой войны литература меняется так же живо, как и Япония, заменяя главенствующие концепции и идеи, поочередно выводя их на передний план.

Для исследования источников по данному вопросу, мы обратились к фонду редких изданий библиотеки ДВФУ, к личной книжной коллекции известного японоведа Константина Михайловича Попова.

В лекции по японской литературе Н. И. Конрад выделил среди литераторов, откликнувшихся на запросы японского общества, желающего идти по пути западного капитализма,

Цубоути Сёё

Цубоути Сёё, которого и считал «открывателем новой эры в художественном творчестве» [3, с. 306].

Условия новой жизни в капиталистическом обществе требовали от писателей правдивого изображения обыкновенной жизни простых людей, раскрытия недостатков современного им общества. Первая попытка создания теории реализма или «натурализма», складывавшегося в Японии под влиянием Г. Флобера, Э. Золя и Г. Мопассана, как отметила Т. П. Григорьева в своей работе «К вопросу о развитии теории реализма в японской литературе», осуществилась Цубоути Сёё в книге «Сущность романа». В ней отражено, что именно и как должен изображать в своей работе писатель. По мнению японского литературного теоретика «объектом изображения должны быть чувства, нравы и обычаи людей» [1, с. 121]. До буржуазной революции 1868 г. отношение к писателям и артистам в Японии было довольно пренебрежительным, а согласно феодальной традиции, писательский труд и вовсе считался в Японии ремеслом [1, с. 121–122].

Т. Григорьева приводит слова даже такого известного просветителя, выдающегося писателя Фукудзава Юкити, пропагандировавшего европейские идеи: «Удивительно, что находятся еще люди, занятые столь недостойным делом, как

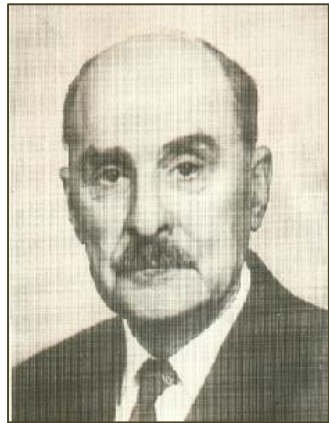
Фукудзава Юкити

писание романов» [1, с. 121]. Сёе был первым, кто рассмотрел литературу как искусство.

По сравнению с изменениями в жизни Японии, литература несколько запаздывала отображать эти изменения. Т. П. Григорьева отмечает в своей статье, что на спад движения сидзэнсюги (натурализм, реализм) повлияла неблагоприятная обстановка в стране. Главными задачами нового японского правительства была защита от тотального вмешательства западных стран и искоренения той части

населения, которая мешала внедрению капитализма. Правительство Японии было занято решением политических проблем запретительными мерами, поэтому совсем не удивителен тот факт, что литература отставала от жизненных реалий практически на тридцать лет.

Отличительной чертой японской литературы того времени является также и то, что писателям нужна была «полоса просветительства», как утверждал Николай Иосифович Конрад. Если до этого Япония была закрыта от западной цивилизации, то теперь те, кто представлял новую эпоху, писатели новой литературы, отталкивались от западных идей, пропагандирующих новые взгляды и новый общественный строй. Все это происходило потому, что современным жителям Японии было необходимо объяснить то, что принято в странах запада, но не принято у них (особенности воинской повинности, банковскую систему и др.). Кроме того,

Николай Иосифович
Конрад

для распространения свежих идей в Японии начинали переводить европейские журналы и газеты, художественную литературу. Помимо этого, переводились произведения русской классики. Б. В. Поспелов и Р. Г. Карлина считали, что влияние русской литературы на японскую было особенно сильным: японская критика 1905–1910 годов, на которые и приходилось становление японского реалистического романа, использовала русскую литературу для установления принципов реализма [5, с. 136], [7, с. 26].

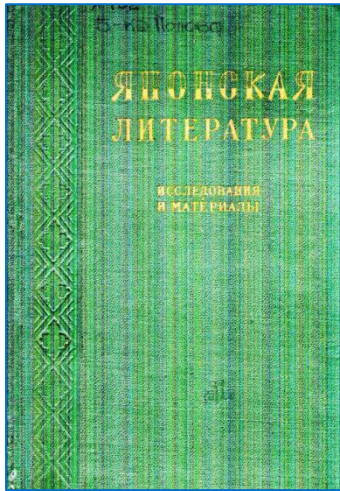
Исследователям литературоведческих источников из коллекции К. М. Попова может быть интересна статья Б. В. Поспелова о влиянии русской литературы на реалистичную литературу в Японии «Некоторые данные о русской литературе в Японии», где автор представил анализ темы по материалам японской критики 1905–1910 гг.

Рассказы И. Тургенева были первыми произведениями, переведенными с русского языка на японский, они положили начало появлению художественной переводной литературы Японии. Н. И. Конрад также считал, что на японскую реалистическую литературу оказали большое влияние русские писатели Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Он приводит слова японского издательства: «Чехов всю свою жизнь отдал исканию художественной правды» – и делает вывод, что «именно таким Чехов навсегда останется в истории не только русской, но и японской литературы» [4, с. 460].

После событий русско-японской войны 1904–1905 гг. русская литература получила особенно большое распространение, ее влияние в стране стало доминирующим. Более глубоко начало изучаться творчество русских писателей. Насколько существенным было влияние литературы России на литературу и культуру Японии, хорошо показывает замечание одного французского критика: «Япония победила Россию оружием, но сама побеждена ее литературой» [4, с. 502]. Также этот эффект неоднократно отмечал Нобори Сёму, чью цитату привел Б. В. Поспелов: «Наша натуралистическая литература во многих

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН – ПЕРЕКРЁСТНОМУ ГОДУ РОССИИ И ЯПОНИИ

отношениях продолжает линию русского натурализма ... Факт воздействия русской литературы на японскую неоспорим... Особенно знаменательно ее влияние на развитие художественного метода, манеры, способов обрисовки героев в нашей литературе...» [5, с. 145–146]. Литература России через японскую литературу оказала большое воздействие на культуру японского народа.

Как отмечал в своей книге Н. И. Конрад: «На эти годы падает наиболее интенсивная деятельность такого знатока и давнего пропагандиста русской литературы, как сам основоположник реалистического романа в Японии Хасэгава Фтабатэй» [4, с. 502]. Востоковед Н. И. Конрад утверждал и то, что в период Мэйдзи с поэзией происходило то же самое, что и с прозой: появлялись переводы европейских стихов, а это, по его мнению, в свою очередь, способствовало и появлению подражательных

произведений. В 1882 г. появился «Сборник стихотворений в новой форме» («Синтайси-сю») трех авторов – Тояма, Ятоба и Иноуэ. Авторы считали, что они создают нечто новое для японской поэзии, что не совсем верно, так как метрическая основа стиха осталась неизменна, однако, под влиянием европейских стихов, они отошли от традиционного размера в три или пять строк [3, с. 312].

В 1890-е годы основным направлением японской литературы стал романтизм. Среди писателей, кто творил в этом направлении, Т. П. Григорьева отметила Симадзакэ Тосон, Куникида Doppo, Таяма Катай [1, с. 132-135]. Обращаясь к работам по изучению японской литературы Н. И. Конрада, можно увидеть, что через творчество этих авторов выражено стремление к свободе, недовольство современным на тот момент японским обществом.

Писатели воспевали человеческую личность и разделяли идеи Дж. Г. Байрона о мировой скорби.

После японо-китайской войны 1894–1895 г. обострились социальные противоречия в самой Японии, потерялся баланс между обществом и личностью, в литературе начали изображаться обычные жизненные конфликты простого человека. Господствующее положение реализм стал занимать только в начале XX века, с появлением «Синдзэнсюги ундо» – движения натурализма [1, с. 124]. Изначально данный термин применялся только в том случае, если речь шла о европейских писателях, позже он (скорее всего автоматически) перенесся и на японскую литературу. В статьях Н. И. Конрада и Т. П. Григорьевой о японской литературе отмечается, что произведения таких личностей, как Нацумэ Сосэки и Мори Огай не ограничивались натуралистическим изображением отдельных сторон действительности, а отражали общечеловеческие проблемы.

Может быть интересна для исследователей данной темы книга коллектива японских авторов – членов Общества по изучению современной японской литературы: Идзу Тосихико, Кусабэ Норикадзу, Коно Тосиро, Симадэ Ёсико, Юти Мисако «История современной японской литературы», которая освещает становление и развитие японской литературы за период с революции Мэйдзи до середины 50-х годов XX века [2]. Авторы данного источника дали собственную хронологию и последовательность периодов развития японской литературы.

Говоря о направлении литературы в начале XX века, который авторы обозначили как переходный период нового времени – от течения натурализма к антинатурализму, можно остановиться на таком авторе, как Акутагава Рюносукэ.

Японские литературоведы выразили мнение, что параллельно натурализму в японской литературе того времени шло развитие такого направления, как антинатурализм. И именно как антинатуралист свое творчество начал Акутагава Рюносукэ, полный отчужденности от людей, жизни, тяжких душевых тревог. Его цель – создание чего-то свежего, оригинального, что отличалось бы от

произведений натурализма, и поэтому он сознательно отвернулся от «грязи и страданий человеческой жизни» [2, с. 222], это, по его мнению, было единственным способом протеста против невыносимого гнета окружающей действительности.

Из «Истории современной японской литературы» исследователи могут узнать о периоде изменений, происходящих благодаря переменам в обществе из-за практически непрекращающейся военной обстановки. Примерно после 1910 г. влияние «Сидзэнсюги» (натурализма) пошло на спад. В 1937 г. Япония вступила в войну против Китая, позже – присоединилась ко второй мировой. Данный отрезок времени отмечен как «эпоха мрака» для японцев и японской литературы. Многие авторы этой эпохи отражали гнев народа, жалобы, печаль людей, чья жизнь разрушена, а надежды разбиты. Властям было необходимо установить контроль над культурой и идеологией, поэтому начался суровый контроль прессы. Отныне запрещались те книги, которые не отвечали интересам национальной политики, начались гонения, в том числе и на писателей-пролетариев – Кобаяси Такидзи, Корэхито Курахара, Накано Сигэхару, Миямото Кэндзи. Стали популярными произведения Хино Асихэ «Хлеб и солдаты», «Поиски жизни» Симаки Кэнсаку, сразу после этих повестей у авторов проснулась тяга к литературе о крестьянстве («Почва» Вада Дэн, «Соловьи» Ито Эйноске).

В октябре 1937 г. вышел роман «Поиски жизни» Симаки Кэнсаку, давший начало новому стилю литературы – литературе поворота. В ней показана психология интеллигенции, а в особенности, – молодых людей, которые столкнулись с вопросами «Как же жить в эпоху мрака? Как жить в условиях отсутствия здоровой критики, подмененной циничным отношением к действительности?» [2, с. 283].

Вступление Японии во Вторую мировую войну отмечено арестом почти каждого деятеля культуры. Из-за произвола рассматривалось как протест даже бегство писателя в «мир идеальной красоты», а как пример этому – роман Танидзаки Дзюнъитиро «Мелкий снег» [2, с. 291].

С другой стороны, авторы «Истории современной японской литературы» показали, что было и иное направление. Писатели такого направления активно изображали в своих работах распущенные городские нравы. К этому направлению относились Такама Дзюн, Осама Дадзай.

Авторский коллектив японских литературоведов уделил внимание литературе сопротивления в Японии. Одна из ее представительниц – Миямото Юрико, как указали в исследовании, упрекала писателей, «затянувших унылую песню раненой души» за то, что они «не призывают к серьезному раздумью по поводу злоупотребления властей, творящих полный произвол» [2, с. 287]. Писатели все чаще начали обращаться к прошлому, не желая писать о современной им Японии и искажать достоверность художественной правды из-за политического гнета. По мнению японских литературных критиков, чем глубже Япония тонула во второй мировой войне, тем быстрее гасла творческая энергия авторов, сотрудничавших с милитаристами. Они объединились в Японское литературное общество служения отечеству, поддерживаемое правительством, в конце концов, превращаясь в политических демагогов, беспринципно объявляющих изменниками родины тех писателей [2, с. 291], кто был лишен любой возможности хоть как-то высказаться.

В это время формируется период, определенный авторами источника как японский неоромантизм, который активно насаждал обществу фашистские настроения на основе принципа «уничтожения личного во имя служения общему» – успех этого движения огромен еще и благодаря роману Ёсикава Эйдзи «Миямото Мусаси», герой которого прославлял доблесть самоуничтожения и ценность традиционного мировоззрения [2, с. 292-293]. Прогрессивная национальная японская литература была еще очень слаба, чтобы оказывать достойное сопротивление этому движению. Однако, чем больше правительство Японии понимало, что государству грозит поражение во второй мировой войне, тем больше издавалось указов о прекращении существования литературных журналов, отражающих

милитаристскую политику правительства. К концу войны японская литература начала разлагаться, замолкать в полностью разрушенной и опустошённой стране [2, с. 297].

С обстановкой в Японии после второй мировой войны для более глубокого представления об условиях, в которых могли работать японские писатели, изучающие этот вопрос могут познакомиться в статье доктора исторических наук И. А. Латышева [8]. Он отмечает, что после войны позиции японского правительства кардинально поменялись, т. к. на основе Потсдамской декларации упразднились органы контроля культуры Японии (к примеру, вышеупомянутое Японское литературное общество служения отечеству). В 1947 году наконец-то установились свобода слова и мышления в Японии [8, с. 403-404]. И в книге Н. И. Чегодарь «Кобаяси Такидзи», посвященной японскому автору, «чей труд в свое время не был оценен», исследователи японской литературы узнают, «что читатели, мечтавшие о настоящей литературе, смогли, наконец, получить то, чего они так ждали, прикоснувшись к ранее запрещенной литературе» [9, с. 5-6].

Итак, познакомившись с литературоведческими источниками советских и японских авторов из книжной коллекции профессора К. М. Попова, можно сделать вывод о достаточности фактологического материала для интересующихся историей японской литературы, ее периодизацией и критикой определенных направлений от реставрации Мэйдзи до середины XX века. Критические работы разных авторов показывают, что японская литература бурно развивалась и менялась на глазах современников в указанную эпоху. Своими непрерывными изменениями и поисками открыла путь к новому этапу – этапу послевоенной японской литературы. Она возродилась в произведениях, отражающих верность делу мира и ненависть к тем, кто предал свободу отечества [6, с. 11– 12]. Как отмечают исследователи, в этот период творили талантливые писатели, оставившие глубокий след в истории японской литературы, произведения которых признаны японской классикой.

Список литературы

1. Григорьева, Т.П. К вопросу о развитии теории реализма в японской литературе / Т.П. Григорьева // Японская литература. Исследования и материалы / Н.И. Конрад, Т.П. Григорьева, Б.В. Поспелов [и др.]. – М. : Изд-во восточной литературы, 1959. – С. 120–136.
2. История современной японской литературы / пер. с яп. Р.Г. Карлина, В.Н. Маркова ; ред., предисл., коммент. Н.И. Конрада. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. – 429 с.
3. Конрад, Н.И. Очерки японской литературы / Н.И. Конрад. – М. : Художественная литература, 1973. – 462 с.
4. Конрад, Н.И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми / Н.И. Конрад. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1974. – 566 с.
5. Поспелов, Б.В. Некоторые данные о русской литературе в Японии / Б.В. Поспелов // Японская литература. Исследования и материалы / Н.И. Конрад, Т.П. Григорьева, Б.В. Поспелов [и др.]. – М. : Изд-во восточной литературы, 1959. – С. 136–149.
6. Японская поэзия / пер. А.Е. Глускина, В.Н. Макарова ; вступ. ст. Н.И. Конрада. – М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1954. – 479 с.
7. Карлина, Р.Г. Творческие связи Хасэгава Фтабатэя с русской литературой / Р. Г. Карлина // Японская литература. Исследования и материалы / Н.И. Конрад, Т.П. Григорьева, Б.В. Поспелов [и др.]. – М. : Изд-во восточной литературы, 1959. – С. 26–56.
8. Певзнер, Я.А. Япония / [Я.А. Певзнер, Д.В. Петров, И.А. Латышев и др.]. – М. : Мысль, 1973. – 454 с.
9. Чегодарь, Н.И. Кобаяси Такидзи / Н.И. Чегодарь. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1966. – 96 с.